

100 лет
со дня
смерти
Шаехзаде
Бабича

Революцией рождённый и убитый

Ямилъ
Сафуллин

*Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры остриё и усечённый волос –
Бог сохраняет всё; особенно – слова
прощенья и любви,
как собственный свой голос.*

Иосиф Бродский

175

28 МАРТА этого года исполнилось 100 лет со дня трагической гибели татарского и башкирского поэта Шаехзаде Бабича. Ему было всего 24 года. Как и многие поэты своего времени, Бабич с восторгом принял Октябрьскую революцию. Поверив в обещания большевиков предоставить свободу угнетённым народам, поэт активно включился в борьбу за образование башкирской государственности. Но во время организованного, в том числе и им самим, перехода башкирского ополчения на сторону Рабоче-крестьянской Красной Армии он без суда и следствия, в порыве бессмысленного красного террора был расстрелян. Его тело, привязав к хвосту лошади, убийцы волочили по земле, затем, выколов глаза, оставили на поле. Только белогвардейцы, неделю спустя пришедшие на смену красным, похоронили его.

Большую часть своих стихотворений Бабич написал на татарском языке. Татарский и башкирский – языки близкородственные. Различия между ними незначительные. В фонетике и лексике. Преимущественно на башкирском языке Бабич стал писать после революции.

Единственный прижизненный сборник произведений Бабича «Синие стихи» (объёмом всего в 39 страниц) был издан в Оренбурге в 1918 году. В начале 20-х годов

в Казани и Москве выходят пара тоже небольших по числу страниц книжек с его стихотворениями, издание которых было организовано Г. Ибрагимовым. Затем в условиях господства советской идеологии Бабиш был надолго «забыт». Возвращение его в литературу началось в конце 50-х годов, в эпоху краткой «оттепели» в политике и культуре, наступившей после XX съезда коммунистической партии. Теперь основное поэтическое его наследие издано. Значительный вклад в это внесли татарские учёные Х. Усманов и Г. Гильманов. Проведено немало исследований, посвящённых жизни и творчеству поэта. Большинство из них о его участии в социально-политических событиях, времени и роли в становлении национальной башкирской литературы.

Однако о природе и сущности таланта Бабиша написано очень мало; в частности, о том, что он по мировосприятию, по содержанию и формам своей поэзии был близок к суфизму и исламскому мистицизму. Данная статья, предваряющая мои переводы стихотворений Бабиша на русский язык, – попытка начать разговор об этих особенностях его творчества.

В X веке в исламе сформировалось движение против религиозного догматизма, за право личности непосредственно обращаться к Богу. Оно получило название «суфизм» и в первые века своего существования считалось еретическим. Его сторонники преследовались, казнились. Но в XII веке суфизм признаётся в исламе в качестве отдельного течения. С этого времени он интенсивно развивается в философии и литературе и мигрирует в культуры принявших ислам народов. В этот длительный процесс было включено и творчество выдающихся писателей Средневековья А. Газали, Д. Руми, Ш. Хафиза, А. Джамии и др.

Поволжья и Южного Урала суфизм достигает в XIV веке. Значительным и оказывающим влияние на татарскую культуру фактором он становится в XVIII–XIX веках. Известные поэты-су-

фии того времени – А. Каргалый, Х. Салихов, Г. Чокрый. В XX веке одним из ведущих центров суфизма было медресе «Галия» (1906–1920), находившееся в Уфе, в котором в 1911–1916 годы Шаехзаде Бабиш учился. В его библиотеке имелось богатое для того времени собрание книг по философии и литературе, выписывались журналы и газеты на татарском, арабском, русском языках. Учащиеся там пользовались большими, чем в других медресе, правами, они могли заниматься в городских библиотеках, выпускать рукописный журнал, устраивать музыкально-литературные вечера, ходить в театры, носить костюмы европейского образца... Медресе просуществовало недолго. Но его успели окончить около полутора тысяч человек. В их числе Г. Ибрагимов, С. Кудаш, Х. Туфан, М. Гафури, Г. Нигмати и другие известные писатели и учёные.

О суфизме написано достаточно много и в ряде случаев – языком, доступным для широких кругов читателей. Главное в нём – преодоление границ: между человеком и Богом, человеком и природой, людьми в обществе, религиями, а также в сознании самого человека. Границ, которые догматики ислама чётко устанавливали. Человек, Бог, природа, по их учению, – разные и фиксированные каждый в себе величины, а взаимоотношения между ними неравные, иерархические. Суфизм противопоставил этому учению идею единства мира, в котором его составляющие находятся в постоянном взаимодействии.

По суфизму, человек – универсум, совокупность пересечения природного и духовного начал. Человек может «возвращаться» в природу, чувствовать себя существом, созданным Богом, оказаться другой, более значимой, чем он сам, или, наоборот, гонимой личностью. Бабиша вне такого представления трудно понять. Что же за герой, который является к нам в его стихах? Синее небо – его корона, пёстрая земля – его трон; крылья бабочек – его крылья. Он – в голосе скрипки, в солнечных лучах. У него свой ангел-хранитель. Он – божий по-

сланник, искупающий смертью земное зло. Лирический герой, как принято в теории? Нет. Сам автор в разных формах природы, в разных лицах. Находить по привычке только метафоры и другие так называемые «художественные приёмы» в приведённых примерах значило бы обеднять творчество поэта. Для него превращение личности в «неживую» природу или растворение её в Боге – реальность. «Мистика», – скажет серьёзный учёный. Да, мистика. Но без отрицательных коннотаций этого слова, которыми оно обросло в нашем сознании.

У Бабича целый цикл стихотворений о музыке. И здесь воздействие суфизма очевидно. В ортодоксальном исламе музыка, танцы, театр были запрещены. Сдержанное отношение к ним в исламе среди татар сохранялось вплоть до начала прошлого века. Но музыка и танцы настолько привлекательны, что даже религия не смогла пресечь их. Для суфия каждый музыкальный звук – частица небесной гармонии. Великий поэт-суфий Д. Руми (1207–1273) написал ставшие хрестоматийными слова: «Дом любви целиком построен из музыки, стихов и песен». Любви – и в обыденном смысле слова, и в её трактовке суфиями как бескорыстного милосердия.

Бабич играл на скрипке, мандолине, хорошо пел, собирал и записывал народные песни. Кроме стихотворения «Скрипка», включённого в этот текст, у него есть стихи о мандолине, *кануне*, *курае*. Многие в своей поэзии он написал на мотивы народных песен, подчёркивая тем самым, как музыка может предшествовать слову. Не знаю, есть ли у современных татарских поэтов такие стихи, но в начале прошлого века существовала целая традиция поступать таким образом. У Бабича – объёмное (21 байт) стихотворение, посвящённое Аль-Фараби (872–950) – философу, математику, автору «Большого трактата о музыке».

«Милосердие» было написано Бабичем в самом конце его короткой и трагически оборвавшейся жизни. В нём он предсказал свою мученическую

смерть. По жанру оно – своего рода исповедь, завещание, эпитафия... И суфизм здесь в сути своей: Бог и человек. В «Милосердии» заложена известная в суфизме (в христианстве тоже) идея: «Бог создал человека по своему подобию и хочет видеть в нём себя». Его герой – пример становления человека таким, каким он может и должен быть по замыслу Создателя. Без ненависти, прощающим, любящим. С такой же милостью в себе, о которой говорили суфии в другой известной среди них заповеди: «Милость Бога превосходит его гнев».

Говорить о «Милосердии», опираясь на дифференциалы (дескать, вот автор, вот герой, вот жанр и т. п.), значило бы уходить от главного в произведении. У стихотворения – подзаголовок «Подарок моего сердца». Но это сердце не только автора, как можно предположить, но и сердце распятого героя произведения. Как и слеза, и кровь, стекающие по длинному древку копья, – одно для них. Реальность и миф, прошлое и современное разделялись ортодоксами ислама, как и мы привыкли делать. Но здесь это теряет смысл. Над всем – над «героями» и временем, над различиями в религиях – царит Милосердие.

Следующее, что я скажу о «Милосердии», возможно, вызовет удивление или неприятие читателя. Его герой – явная аллюзия (намёк, указание) на Христа. Он распят (слово «янеч» в авторском тексте может переводиться «распни»). Длинное, вонзаемое в грудь копьё, падающая на землю кровь, камень, брошенный под ноги казнёного... Всё это о Христе: в легендах, в литературе, в живописи. Хотя и в исламе Христос был в составе святых, у суфиев существовал более известный им мученик-мистик, философ и поэт Мансур Халладж (858–922), обвинённый в церковной ереси и приговорённый к смерти. По дороге к месту казни он, как гласит предание, закованный в кандалы, танцевал и декламировал стихи мистического содержания. Этого Бабич не мог не знать. И всё же мученик в «Милосердии» больше указывает на

Христа, чем на Халладжа. Почему такое оказалось возможным? Смешение образов в воображении поэта? Не исключено. Но, как мне представляется, вероятнее другое.

Суфизм отличался веротерпимостью, легко заимствовал идеи из эллинизма, иудаизма, христианства и иных источников. Преодоление границ, которое как характерная особенность суфизма была отмечена выше, касалось и религиозных различий. Крупнейший теоретик суфизма и очень известный в тюркоязычном мире философ и поэт Ибн Араби (1165–1240), разработавший учение о единстве бытия, а также о «совершенном человеке», в одном из своих стихотворений писал: «Моё сердце стало способно принять любую форму: оно и пастбище для газелей, и монастырь для христианских монахов, и храм для идолов, и Кааба для ходящих вокруг паломников, и скрижали Торы, и свиток Корана. Я следую религии любви...» Так же, как и Ибн Араби, Бабичу было одинаково дорого Милосердие, будь оно в Халладже или в Христе.

Творчество Бабича пришлось в основном на годы Первой мировой войны, революции, Гражданской войны – на время долгих страданий и грёз о светлом будущем. Подобно А. Блоку, А. Белому, С. Есенину и другим русским поэтам, Ш. Бабич принял революцию как восхождение на Голгофу – искупление кровью социального зла. Его «Милосердие» написано в один, 1918-й, год, что и поэма А. Блока «Двенадцать» также с образом Христа в ней.

Суфизм в своём многовековом продвижении на север достиг берегов Урала и Волги, приспособиваясь к новым условиям. Он постепенно становился более социальным, что подтверждается творчеством как Бабича, так и С. Рамеева, С. Сунчелея и некоторых других татарских поэтов. В то же время многое из него, что касается, к примеру, образа жизни (аскетизм, скитальчество, отрешение от мирского), среди татар не прижилось.

Бабич – поэт иного, в сравнении с Тукаем, дарования и творческих устремлений. Тукай – светский поэт, перенявший традиции русской и через неё западных литератур, основоположник новой татарской поэзии. Бабич религиозен, по-восточному философичен, он не оставил традиций, заметных в современной татарской поэзии. Погиб он очень рано, когда в нём только начинался новый этап творчества. Философская лирика, на путь которой он становился, после ранней смерти тоже не имела продолжения. Так сложилась история.

Не старомодно ли то, о чём я пишу? Не лучше ли было опубликовать написанное в научном издании, а не в современном альманахе? Слова «милосердие», «прощение» и даже «любовь» в такой инфляции теперь. Они так желанны! И как мы хотим, чтобы нас бескорыстно любили и прощали! И написанное о Бабиче не только связано с горестной датой его судьбы. Оно и о том, что в нас постоянно и в литературе вечно.